

его Григоріатомъ. Подъ этимъ прозваніемъ онъ вошелъ и въ роспись главныхъ монастырей аеонскихъ, составленную при Андроникѣ старшемъ въ 13¹²/₁₃ году.

Преимникомъ Асѣня былъ сынъ его Калиманъ I-й, рожденный отъ Венгерки. Онъ наслѣдовалъ отцовскій престолъ, будучи двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ, и подѣ опекою матери и бояръ царствовалъ только четыре года съ небольшимъ. Онъ задумалъ было увеличить околотокъ Зографскаго монастыря на самомъ Аеонѣ, но побоялся „клятвы благочестивыхъ царей и освященныхъ патріарховъ греческихъ и *прадѣда своего Іоанна царя, великаго въ болгарѣхъ*“ (Асѣня 1-го), воспрещавшихъ недуховнымъ властямъ насиловать свободу Св. горы и измѣнять ея древніе уставы, и въ 1243 году далъ Зографу доходныя имѣнія въ своемъ царствѣ, именно село Привище съ метохомъ, съ людьми и съ Поповымъ озеромъ, на Дунаѣ ловище моруновъ, въ Сардикіи, сирѣчь Софіи, базаръ и въ Серь-градѣ (Серресѣ) метохъ св. Николая (Читай хрисовуль его въ Оправданіяхъ сей исторіи Аеона, подѣ № 4-мъ, и критическій разборъ сего дѣписанія).

Калиманъ былъ послѣдній обладатель Аеона. Послѣ него эта гора опять стала подвластною царямъ греческимъ. Каковы же они были для тамошнихъ монастырей? Узнаемъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Даръ царя Іоанна Ватаци Аеонохиландарскому монастырю. — Щедроты Михаила Палеолога, оказанныя многимъ обителямъ на Аеонѣ. — Посланіе Аеонитовъ къ сему царю съ увѣщаніемъ не подчинять православную церковь Римскому папѣ. — Появленіе уніи на Св. горѣ. — Кончина Палеолога. — Изгнаніе евнуховъ съ Св. горы. — Основаніе тамъ монастыря Кутлумушкаго.

§ 66. Даръ Іоанна Ватаци Хиландару.

Греческій царь Іоаннъ Ватаци, котораго мы видѣли въ Каллиполѣ вмѣстѣ съ болгарскимъ самодержцомъ Асѣнемъ, отвоевалъ

у этого самодержца города Серресъ и Солунь съ Аеономъ. Это извѣстно. А какимъ обителямъ святогорскимъ онъ благодѣтельствовалъ, да и благотворилъ ли: сего я не знаю; вѣдаю же только то, что имъ пожертвованы были Аеонохиландарскому монастырю недѣльное Евангеліе, написанное золотомъ въ два столбца на отличномъ пергаминѣ и немалая часть животворящаго древа Господня при хрисовулѣ. Обѣ эти святыни понынѣ сохраняются въ названномъ монастырѣ. Я видѣлъ ихъ. Самый же хрисовуль Ватація, къ сожалѣнію, сгорѣлъ въ 1722 году вмѣстѣ съ многими другими древними памятниками во время пожара, случившагося тогда въ Хиландарѣ *). Жители смежныхъ съ Аеономъ селеній нерѣдко приходятъ въ этотъ монастырь на поклоненіе животворящему Кресту и чудотворному образу Богоматери Троеручицы, особенно, когда постигаетъ ихъ какое нибудь бѣдствіе, какъ то: повальная болѣзнь, саранча, бездождіе, или наводненіе. Тогда они въ крестномъ ходу несутъ обѣ эти святыни въ свои селища и, если свирѣпствуетъ болѣзнь, въ домахъ своихъ служатъ молебны, а если появляется саранча, или другое зло, то на поляхъ своихъ совершаютъ водосвятіе. Нерѣдко бывало, что во время такого моленія совершалось чудо: всѣ насѣкомыя, истреблявшія плоды, или зелень, улетали и падали въ море, иногда черезъ нѣсколько часовъ или черезъ день.

Царь Іоаннъ Ватаци скончался 30 ноября 1254 года. Преимникомъ ему былъ сынъ его Теодоръ II Ласкарисъ, женатый на дочери Асѣня II-го, и царствовалъ по 1259-й годъ. Въ аеонскихъ монастыряхъ я не видалъ ни одного памятника его вниманія къ нимъ.

§ 67. Воцареніе Михаила Палеолога и его благодѣянія Аеоноу.

Покойный Теодоръ Ласкарисъ (въ августѣ 1258 г.) оставилъ царство своему семилѣтнему сыну Іоанну, а управленіе имъ до

*) Это несчастіе упомянуто въ «Краткой исторіи славяносербской Хиландарской лавры», стр. 52. Спб. 1862.

совершеннолѣтія наслѣдника поручилъ другу своему, протовестіарію Музалону. Но этотъ Музалонъ скоро палъ жертвою темнаго заговора. Подкупленные заговорщиками итальянскіе наемники съ шумомъ ворвались въ церковь Сосандрійскаго монастыря, въ которой правитель вмѣстѣ съ своимъ братомъ и со всѣми придворными чинами совершалъ панихиду по умершемъ государѣ въ девятый день послѣ его смерти, и изрубили обоихъ Музалоновъ, которые тщетно искали спасенія въ святомъ алтарѣ *). Народная молва не наобумъ винила въ насильственной смерти ихъ великаго коноставла Михаила Палеолога. Между тѣмъ, весьма многія знатныя лица, частію по родству съ этимъ Палеологомъ, частію по натиску тайныхъ пружинъ, пущенныхъ имъ въ ходъ, задумали назначить его опекуномъ малолѣтняго царя и правителемъ государства. Составилось собраніе государственныхъ чиновъ по этому случаю. Но они, совѣщаясь о семъ, надумали, что не безопасно предпринимать столь важное дѣло безъ участія церкви и предстоятеля ея, и потому изъ Нимфея отправили посольство къ патріарху Арсенію въ Никею. Арсеній, зная Палеолога, когда онъ былъ еще градоначальникомъ въ Никеѣ и высказалъ свою способность къ управленію, изъявилъ посланнымъ свое полное согласіе на ихъ предложеніе, и скоро прибылъ въ Нимфей, зимнее жилище никейскихъ царей, гдѣ и подтвердилъ опекунство Палеолога, не предвидя роковыхъ послѣдствій сего дѣла. По рѣшеніи вопроса объ опекунствѣ, вопросъ о титулѣ новаго опекуна былъ рѣшенъ безъ особенныхъ затрудненій и проволочекъ. Члены священнаго собора и государственные чины признали, что для царскаго опекуна унизительно носить титулъ великаго дукса и недостаточно названія *царскаго отца* (*βασιλέως πατήρ*), которымъ хотѣли удовольствоваться нѣкоторые члены собранія, а что необходимо поднести ему высшій титулъ деспота. Патріархъ Арсеній далъ свое согласіе и на это. Спустя нѣсколько дней послѣ сего, приверженцы Палеолога изъ духовнаго и мірскаго званія

*) Георг. Акрополитъ.

начали разглагольствовать, что „наилучшая царственность есть не наслѣдственная, которую по случайному жребію судьбы можетъ получить человѣкъ недостойный, и не родовая, которая нерѣдко попадаетъ въ руки людей негодныхъ, но та, которая предоставляется народомъ лицу доблестному“ (Пахимерь). Понятно, что такимъ лицомъ оказывался Михаилъ Палеологъ; и сторонники его приступили къ патріарху съ доукою, чтобы онъ взялъ на себя починъ въ этомъ дѣлѣ. Не дремалъ и самъ Палеологъ. Онъ признавалъ эти сужденія основательными и съ своей стороны утверждалъ, что если собственный сынъ его будетъ признанъ недостойнымъ царственности, то онъ самъ устранить его отъ престола (Пахимерь). Притомъ, въ народѣ давно носились слухи, что Палеологу на роду написано царствовать. Наконецъ, — говоритъ историкъ, — *побѣдило небесное опредѣленіе*: огромное большинство желало возвестъ Палеолога на царскій престолъ (Пахимерь). Насталъ день, назначенный для коронованія малолѣтняго Іоанна и Палеолога. Патріархъ Арсеній съ священнымъ соборомъ началъ совершать уставную службу. Оба царя находились въ храмѣ. Съ Палеологомъ пришла туда его супруга, одѣтая въ великолѣпныя царскія одежды, потому что рѣшено было короновать и ее. Три короны лежали на одномъ изъ боковыхъ престоловъ храма. Но одна изъ нихъ, именно корона малолѣтняго царя, къ величайшему удивленію и ужасу патріарха, скоро исчезла. Тогда произошла неописанная сцена. Смыслъ совершившагося дѣла всѣмъ былъ понятенъ; но немногіе знали подробности закулисной хитрости, подготовившей сіе дѣло. А задумано и исполнено оно было ближайшими сослужителями патріарха предъ глазами его. Нѣсколько архіереевъ и въ числѣ ихъ Андрианопольскій Германъ, Анкирскій Григорій и Мелангійскій Константинъ, вмѣстѣ съ Палеологомъ рѣшили, что „неблагопристойно малолѣтнему отроку короноваться первому (какъ наслѣднику престола) и въ торжественныхъ выходахъ идти впереди того, кто уже достигъ мужескаго возраста и провелъ свою жизнь въ занятіяхъ государственными дѣлами, и что лучше отложить коронованіе его до другаго времени“. Въ

этомъ смыслѣ заговорщики написали постановленіе (τόμος), которое должны были подписать патріархъ и остальные архіереи. Но они, опасаясь сопротивленія патріарха, рѣшились скрывать свое намѣреніе и объявить его уже въ часъ самой коронаціи, дабы имѣющій возложить вѣнцы на царей, предузнавъ о семъ, не отложилъ коронованія. Вотъ почему исчезла съ престола корона наследственнаго царевича, и патріарху предложено было къ подписанію „Постановленіе“, отлагавшее коронацію малолѣтка до болѣе удобнаго времени. Но Арсеній отказался не только подписать это постановленіе, но и совершать обрядъ коронаціи Палеолога. Съ нимъ вмѣстѣ отказались отъ подписи и участія въ коронаціи епископы: Андроникъ Сардскій и Мануилъ Солунскій. Однако, Палеологъ и его сторонники имѣли слишкомъ много средствъ остановить это благородное, но безсильное, сопротивленіе. Коноводы заговора крикнули, что они изрубятъ въ куски невиннаго отрока (Іоанна), если патріархъ будетъ упорствовать въ своемъ отказѣ. Величественный храмъ св. Софіи, въ которомъ нѣкогда засѣдали мирные отцы седьмаго вселенскаго собора, превратился въ шумное вѣче до самаго вечера. Несчастный царевичъ плакалъ и протягивалъ свои слабыя ручки къ патріарху и умолялъ его уступить требованію заговорщиковъ. Тогда святѣйшій отецъ сей и сподвижники его, сознавая бесплодность дальнѣйшаго сопротивленія, уступили имъ вечеромъ; и Палеологъ и супруга его были коронованы. „Когда же священный обрядъ вѣнчанія на царство былъ конченъ, тогда вѣнценосцы пошли въ царскіе чертоги, а за ними слѣдовалъ царевичъ безъ вѣнца подъ покровомъ, украшеннымъ драгоценными камнями и жемчугомъ“ (Пахимерь). Но злополучнымъ сиротою никто не занимался. Взоры всѣхъ были устремлены на вновь восшедшее свѣтило.

Никея ликовала. Пусто и печально было лишь въ горницахъ царственныхъ сиротъ (Іоанна и двухъ несовершеннолѣтнихъ сестеръ его). Царевичъ былъ оставленъ въ небреженіи, и проводилъ время въ дѣтскихъ играхъ. Счастливыя возрастъ! Несчастныя отрокъ! Патріархъ же былъ несчастнѣе его. Съ раз-

битымъ сердцемъ онъ возвратился домой. Досада и стыдъ за себя, скорбь о царственномъ сиротѣ, мрачное опасеніе за будущность не давали ему покоя. У этого аполлоніадскаго отшельника оказалась сильная, глубокочестная и тонкоблагородная душа. Палеологъ опротивѣлъ ему. Однако, совершившагося дѣла нельзя было передѣлать. Оставалось одно изъ двухъ: или примириться съ нимъ, или протестовать. Первое было невозможно для глубокочестнаго патріарха; и онъ рѣшился на послѣднее и, удалившись изъ Никеи, поселился въ обители Пасхазія.

Здѣсь я прекращаю повѣствованіе о дальнѣйшей распрѣ патріарха Арсенія съ Палеологомъ, объ отлученіи имъ сего царя отъ церкви, объ ослѣпленіи малолѣтнаго царевича Іоанна (25 декабря 1262 г.), о взятіи Константинополя у Латинъ кесаремъ Алексѣемъ Стратигопуломъ въ 1261 году, о водвореніи Палеолога въ этой столицѣ, и начинаю говорить о благодѣянїяхъ сего государя, оказанныхъ имъ Аѳону, и о преданности ему тамошнихъ монаховъ, выраженной въ томъ посланіи ихъ къ нему, въ которомъ они увѣщевали его не предпринимать подчиненія восточной церкви Римскому папѣ.

Михаилъ Палеологъ вскорѣ послѣ вѣнчанія его на царство началъ благодѣтельствовать монастырямъ аѳонскимъ. Такъ, въ январѣ мѣсяцѣ 1259 года, когда индиктъ былъ 2-й, онъ пожаловалъ лаврѣ св. Аѳанасія Аѳонскаго весьма льготный хрисовулъ, написанный на узкихъ пергаминныхъ листахъ, на склейкахъ которыхъ читаются скрѣпы по листамъ, съ привѣщенной къ нему золотою печатію малою. Въ этомъ хрисовулѣ Палеологъ сперва возвеличилъ Аѳонъ, назвавъ его *горою Богоименною, горою Святою, горою, которую возлюбилъ Богъ, дабы обитать на ней* (а не удѣломъ Богоматери), потомъ восхвалялъ тамошнюю лавру св. Аѳанасія, сказавши, что она древнѣе прочихъ монастырей, а по мѣстоположенію своему есть *акрополь* = краеградъ всей Св. горы, насельники же ея — святы и любимы его величествомъ, наконецъ, къ прежнимъ имѣнїямъ ея прибавилъ вновь пожалованное имъ самимъ село *Токсѳмтусъ* со всѣми правами его въ Кесаро-

польскомъ околоткѣ Стримонской области, и освободилъ оное отъ всѣхъ государственныхъ и земскимъ податей *). Прежнія же имѣнія лавры со всѣми правами ихъ утверждены за нею этимъ же самымъ хрисовуломъ. Всѣ эти имѣнія прописаны тутъ поименно, на примѣръ: островъ Неонъ, метохъ на Лимносѣ, монастырь Каллика, находящійся на Святой горѣ, монастырь Ксирокастро здѣсь же, метохъ Озоблиносъ, деревня Камена и проч. Въ концѣ сего хрисовула Палеологъ выразилъ, что аѳонская лавра есть селеніе его царскаго величества, что онъ одинъ вѣдаетъ ее, и она вѣдаетъ его одного, и что всякое дѣло ея должно быть представляемо ему одному на рѣшеніе. — Οἰκείωσις τῆς βασιλείας ἡμῶν ἐστὶν ἡ τοιαύτη μονή· καὶ πλέον τῆ βασιλείᾳ ἡμῶν γινώσκεται· καὶ πλέον γινώσκει τὴν βασιλείαν ἡμῶν καὶ τῆ βασιλείᾳ ἡμῶν ὑπόκειται μόνῃ πᾶσα ἡ τοῦ προϊσταμένου αὐτῆς ἀνάκρισις καὶ ἐξέτασις, καὶ μὴ τιμ τῶν ἀπάντων, ἢ ἀρχοντικῶ, ἢ ἐκκλησιαστικῶ προσώπῳ, ἢ δουρικῶ, ἢ ὅλως δημοσιακῶ ὑπάγεται, ἢ ἀναφέρεται.

Въ томъ же 1259 году Михаилъ Палеологъ хрисовуломъ своимъ утвердилъ за обителію св. Павла метохи ея, называемые 1) св. Георгій съ водяною мельницею и 2) св. Николая Скутáру съ работниками его.

Кромѣ Аѳанасіевой лавры и монастыря св. Павла, сей государь пожаловалъ льготный хрисовулъ Иверской обители на Аѳонѣ. Я не видѣлъ этого дѣписанія; но оно упомянуто въ хрисовулѣ соцарствовавшаго съ Андроникомъ старшимъ **), Михаила Комнина Палеолога IX-го, данномъ сей обители въ августѣ мѣсяцѣ 6818 = 1310 года, когда индиктъ былъ 8-й ***). Въ этомъ хрисовулѣ (1310 г.) Михаилъ Комнинъ назвалъ Палеолога I-го сво-

*) Это село прежде принадлежало Аѳоноамальфійской обители. Слѣдовательно она была упразднена ранѣе января 1259 года.

**) Съ 1293 года по 12 октября 1321 года сентябрьскаго.

***) ...ἡ βασιλεία μου καὶ τὸν παρόντα χρυσόβουλλον λόγον ἐχθραβέυει, δι' οὗ καὶ προστάσσει, ἵνα κατὰ τὴν περίληψιν τῶν πρώτων χρυσοβούλλων, τοῦ τε αὐθέντου καὶ πάππου τῆς βασιλείας μου τοῦ βασιλέως, καὶ τοῦ ἀγίου μου αὐθέντου καὶ βασιλέως τοῦ πατρὸς τῆς βασιλείας μου, διαμένῃ καὶ εἰς τὸ ἐξῆς ἢ κατ' αὐτοὺς (Ἰβηρας) τοιαύτη σεβασμία μονή, καὶ τὰ ἐν αὐτῇ πάντα χωρὶα, πρόσπεια, ἀγρίδια, ἡσυχαστήρια, καὶ μετόχια πάσης βλάβης ἀδιγῆ...

имъ дѣдомъ и утвердилъ за Иверскою обителію всѣ имѣнія ея, прописанныя въ хрисовулѣ сего Палеолога I-го. По милости сего же государя, Аѳоноксиропотамскій монастырь, чествуемый во имя свв. Сорока мучениковъ, получилъ отъ него льготный хрисовулъ въ 1276 году, когда индиктъ былъ 4-й. Я видѣлъ его и переписалъ. Въ немъ сказано, что его царское величество утверждаетъ за Ксиропотамомъ всѣ имѣнія его на Святой горѣ и внѣ ея въ разныхъ мѣстахъ, какъ тѣ, кои уже давно приобрѣтены имъ, такъ и тѣ, кои приложилъ ему родной братъ его величества деспотъ, да и тѣ 400 вперпировъ, кои пожертвованы ему (Ксиропотаму) логоетомъ царственности его Димитріемъ Іатропуломъ. Такой же милости Михаила Палеолога сподобился и Дохиарскій монастырь на Аѳонѣ. Въ архивѣ сей обители хранится хрисовульный сигиллионъ сего государя, написанный на бумагѣ. Я видѣлъ его. Онъ такъ ветхъ, что съ трудомъ читается. Однако, опытная любознательность моя прочла его и переписала сокращенно. Изъ сего акта видно, что дохиарскіе монахи просили у Палеолога хрисовула, утверждающаго за обителію ихъ безмятежное владѣніе всѣми имѣніями ея, подаренными, купленными, обмѣненными, и что сей государь благосклонно внялъ просьбѣ ихъ и исполнилъ ее *). Онъ же въ 1271 году, когда индиктъ былъ 14-й, уважилъ просьбу благороднѣйшаго жупана Димитрія, роднаго брата короля Сербіи, просьбу о томъ, чтобы пожертвованное деспотомъ Іоанномъ Палеологомъ Аѳонохиландарскому монастырю село Кастринъ у рѣки Стримона было утверждено хрисовуломъ его величества за этою обителію. Хрисовулъ данъ. На

*) Ἡ βασιλεία μου τὴν τοιαύτην αἴτησιν αὐτῶν ὡς εὐλογον προσηκαμένη τὸ παρόν χρυσόβουλλον σιγίλλιον ἐπιχορηγεῖ τῷ μέρει τῆς τοιαύτης σεβασμίας μονῆς τοῦ Δοχειαρίου, δι' οὗ καὶ παρακελεύεται κατέχειν καὶ νέμεσθαι τοὺς ἐν αὐτῇ μοναχοὺς ἅπαντα, τὰ ὅθεν δήποτε καὶ ὅπως δήποτε προσαρμόσαντα ταύτη δίκαια ἀπὸ κτητορικῶ δικαιοῦματος, ἢ διὰ προστάγματος τῆς βασιλείας μου, ἢ δωρεᾶς βασιλικῆς ἐτέρας χειρός, ἢ ἀπὸ ἐξωνήσεως, ἢ ἐξ ἀνταλλαγῆς, ἢ ἀπὸ προσενέξεως τινῶν, ἢ ἐξ ἀναστήματος καὶ βελτιώματος τῶν ἐν αὐτῇ μοναχῶν, ἢ ἐτέρου τρόπου παντός, ἤτοι μετόχια, παροίκους, ξένους, ἀνεπιγνώστους τοῦ δημοσίου, γῆν ἀροσιμὸν τε καὶ χερσαῖαν, ἀμπελῶνα, κηπόρια, περιβόλια, μηλῶνας, καὶ πᾶν εἴ τι ἕτερον δίκαιον προσήρμοσται ταύτη, κἂν ἐν ὀποιοῦσιν θεωρηται εἶδει.

задкѣ его хиландарскій архивариусъ написалъ по-сербски: „христовуль стараго царя Палеолога о свободѣ села градца на Стрѣмѣ“. Греческое названіе *Кастринъ* онъ передалъ по-сербски *градецъ*.

Вотъ шесть извѣстныхъ мнѣ милостивыхъ грамотъ Михаила Палеолога, кои доказываютъ, что онъ былъ благодѣтель Аеоитовъ! Замѣтьте сіе вы, пишущіе, или преподающіе исторію церкви. А я предлагаю основательное свѣдѣніе о непринятіи святогорцами затѣянной симъ государемъ уніи.

§ 68. *Затѣя Палеолога подчинить восточную Церковь Римскому папѣ, неодобренная Аеоитами. Ихъ посланіе къ нему.*

Извѣстно, что Михаилъ Палеологъ затѣялъ соединеніе церквей, восточной и западной, съ тѣмъ, чтобы первая подчинилась Римскому папѣ. Но какъ родилась въ умѣ его эта затѣя? Какъ началась и продолжалась? Какъ отвергли ее аеоискіе монахи? И чѣмъ она кончилась? Отвѣчаю на всѣ эти вопросы.

Затѣя, о которой начинается рѣчь моя, родилась въ умѣ Палеолога отъ сильнаго вліянія на него слѣдующихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Въ 15-й день августа мѣсяца 1261 года сей государь торжественно вступилъ въ возвращенную ему отъ Латинъ столицу, и вскорѣ пригласилъ патріарха Арсенія занять вселенскую кафедру, давъ ему знать, что онъ извинится предъ нимъ въ устраненіи малолѣтняго царевича отъ коронованія. Арсеній въ этотъ разъ былъ сговорчивъ, и взошелъ на патріаршій престолъ съ величайшею торжественностію. Михаилъ Палеологъ въ присутствіи всего снклита, гражданскихъ и военныхъ чиновъ и безчисленнаго множества народа ввелъ его за руку въ храмъ св. Софіи, и, подводя его къ кафедрѣ, сказалъ: „вотъ престолъ твой, владыка, котораго ты лишенъ былъ долго; займи теперь свою кафедру“ (Акрополитъ), и тутъ же гласно извинился предъ его святѣйшею святынею. Вскорѣ затѣмъ совершена была Арсеніемъ вторичная коронація съ расчитаннымъ великолѣпіемъ. При этомъ о царевичѣ

Іоаннѣ не было и помину, а только повелѣно, послѣ царствующихъ особъ и послѣ патріарха, въ общественныхъ молитвахъ поминать взявшаго у Латинъ Константинополь кесаря Алексѣя Стратигопула.

Но доброе согласіе патріарха и государя едва не прекратилось въ самомъ же началѣ и неожиданно. Спустя нѣсколько недѣль послѣ коронаціи, патріархъ получилъ просьбу отъ супруги Палеолога, Θεодоры, „спасти ее отъ несчастія и отстоять божескіе законы“. Эта просьба поразила его своею неожиданностію. Оказалось, что Михаилъ, влюбившись во вдову покойнаго царя Іоанна Ватаци, Анну (дочь императора Фридриха II Гогенштауфена и сестру тогдашняго сицилійскаго короля Манфреда), задумалъ развестись съ своею женою безъ всякой причины и жениться на этой нѣмкѣ. Патріархъ, узнавъ это, немедленно отправился къ Палеологу, сдѣлалъ ему строгое внушеніе и погрозилъ ему отлученіемъ отъ церкви въ случаѣ сопротивленія. Михаилъ отказался отъ развода, но сдѣлалъ другое тягчайшее преступленіе.

Въ 1262 году въ день Рождества Христова во дворецъ несчастнаго царевича Іоанна явились подосланные Палеологомъ изверги съ раскаленною до красна металлическою побрякушкою, и держа его за голову, начали трясти ее предъ глазами его, открытыми насильственно. Отъ блеска и жара зрѣніе отрока начало ослабѣвать, а потомъ и угасло. Узналъ объ этомъ злодѣйствѣ патріархъ Арсеній и отлучилъ Палеолога отъ церкви, но тайно, а явно во время литургіи даже самъ поминалъ его молитвенно (Пахимерь). Такую полумѣру, такую непослѣдовательность употребилъ онъ по тому, что боялся, какъ бы раздраженный Палеологъ не предпринялъ какихъ либо нововведеній въ церкви (Григорасъ).

Коронованный грѣшникъ смиренно принялъ данное ему наказаніе, старался скрыть свою досаду, и у патріарха просилъ себѣ времени для покаянія, по истеченіи котораго могъ бы получить прощеніе; ибо, — говоритъ Пахимерь, — „надѣялся, что если немного помолчитъ, а потомъ покажетъ видъ, что раскаялся, и ста-

нетъ просить разрѣшеніе, то оно тотчасъ же и послѣдуетъ“. Червь совѣсти точилъ его сердце. Не зная, какъ оправдаться, и не имѣя смѣлости отвергнуть патріаршее прещеніе, оправдываемое народомъ, Палеологъ прибѣгнулъ къ посредничеству духовныхъ лицъ, особенно близкихъ къ Арсенію, и чрезъ нихъ рѣшился просить его снять съ него отлученіе отъ церкви, и въ замѣнъ наложить, какую угодно, епитимію. Посредники должны были отъ имени просителя обѣщать патріарху, что государь исполнитъ все, что ни повелитъ ему патріархъ; а сдѣланное уже не возвратимо (Пахимерь). Но Арсеній былъ глухъ ко всѣмъ ходатайствамъ, и всѣмъ хадатаямъ говорилъ: „я голубя пустилъ въ свою пазуху, а этотъ голубь превратился въ змія и ужалилъ меня смертельно“.

Что же Палеологъ? Испытавши неудачу въ постороннемъ ходатайствѣ, онъ вспомнилъ поговорку: *αὐτοπρόσωπον — ἀντιφάρμακον*, т. е. *личная просьба — лучшее лекарство*, и рѣшился лично умолять патріарха о прощеніи. Но и эта мѣра оказалась недѣйствительною. Всякій разъ Арсеній отвѣчалъ государю: „употреби врачество, и я приму тебя“. Однажды ихъ разговоръ принялъ вотъ какой оборотъ. Палеологъ сказалъ патріарху: „да кто знаетъ согласишься ли ты принять меня, ежели я сдѣлаю что нибудь и особенное“. Арсеній отвѣчалъ ему: „великіе грѣхи требуютъ и врачеванія великаго“. Тогда Палеологъ желая вывѣдать сокровенную мысль патріарха, проговорилъ: „что же, не велишь ли мнѣ отрѣчься отъ царствованія“. И послѣ этихъ словъ взялся за ефесь мечъ своего, какъ бы намѣреваясь отвязать его и передать патріарху. Когда же Арсеній быстро протянулъ руку, чтобы взять мечъ, государь тотчасъ запѣлъ *отходную*, и сталъ упрекать патріарха въ покушеніи на жизнь его (Пахимерь). Въ другой разъ онъ, снявши съ своей головы *камитру* и, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ, палъ ницъ предъ Арсеніемъ и, обнимая ноги его, умолялъ святость его простить ему сдѣланное преступленіе. Но неумолимый старецъ со гнѣвомъ оттолкнулъ отъ себя лежавшаго у ногъ его Палеолога и когда этотъ, вставши продолжалъ умолять его, круто отвернулся и, удалившись въ свою

келью, захлопнулъ за собою дверь ея предъ самымъ лицомъ государя. — Такъ робко преступленіе! Такъ почтенна добродѣтель! — промолвилъ современный историкъ Пахимерь.

Многократно Палеологъ дѣлалъ подобныя попытки у Арсенія, и всякій разъ терпѣлъ неудачу, или униженіе. Наконецъ, въ душѣ его явилась мстительность. Желчно сталъ онъ жаловаться окружающимъ его на патріарха, обвинялъ его въ жестокости и въ томъ, что онъ будто бы велитъ ему сложить съ себя всякую власть. Такъ-то, приговаривалъ онъ, врачуетъ насъ духовный врачъ нашъ! А иногда и грозилъ, что если патріархъ пренебрегаетъ церковными правилами, предписывающими грѣшникамъ покаяніе, то *пора мнѣ обратиться къ Римскому папѣ и у него искатъ помилованія*.

Вотъ какъ впервые зародилась въ Палеологѣ мысль спознаться съ Римскимъ папою! Эта мысль со временемъ созрѣла и произвела плодъ горькій.

Когда всевозможныя обѣщанія, ласки, даже униженія Палеолога предъ патріархомъ Арсеніемъ не доставили сему государю просимаго имъ церковнаго разрѣшенія, тогда онъ рѣшился дѣйствовать грозно. Однажды (въ 1265 г.) онъ пригласилъ къ себѣ архіереевъ, жаловался имъ на то, что наложенное на него патріархомъ отлученіе отнимаетъ у него свободу дѣйствій, и настоятельно требовалъ, чтобы они придумали какое нибудь средство къ снятію съ него этого отлученія, угрожая въ противномъ случаѣ обратиться за нимъ *инуда*. Вотъ его рѣчь этимъ архіереемъ: „Я просилъ у патріарха прощенія съ истиннымъ раскаяніемъ и настойчиво искалъ у него врачевства, хотя бы то было раскаленное желѣзо: но онъ отказалъ и вмѣсто раскаянія возбудилъ во мнѣ отчаяніе. Патріархъ ничего не открывалъ мнѣ, кромѣ необходимости исцѣлить язву, а какъ исцѣлить ее, не научилъ; приглашалъ къ дѣлу, а самъ не зналъ, что надобно дѣлать. Это похоже на насмѣшку... Мнѣ кажется: онъ хочетъ, чтобы я за свой проступокъ оставилъ престоль. Но кому предполагаетъ онъ отдать царство, сего не вижу. А какія произойдутъ отсюда слѣдствія

для государства: это очевидно. Что, если другой окажется не способнымъ къ такому великому служенію?.. Притомъ, кто поручится, что я по лишеніи власти буду жить спокойно? Въ особенности, что будетъ съ моею женою и съ моими дѣтьми? Ихъ на первыхъ же порахъ всякій захочетъ сдѣлать несчастными. Я не сомнѣваюсь въ духовной мудрости патріарха, которая видна въ другихъ распоряженіяхъ его; но въ дѣлѣ моемъ никакъ не могу одобрить его. Гдѣ, у какого народа, видано что-либо подобное? Есть ли примѣры на то, чтобы и у насъ могъ онъ дѣлать это безнаказанно? Или онъ не знаетъ, что разъ вкусившему сладости царствованія не иначе можно разстаться съ нимъ, какъ вмѣстѣ съ жизнію? Кто не знаетъ: какими кознями окруженъ престолъ? Вѣрность большей части подданныхъ окоченѣла на маскѣ, да и та держится, пока царь благоденствуетъ; а будь онъ униженъ, подданные становятся дерзкими... Зачѣмъ было возводить человека на высоту, когда чрезъ нѣсколько времени надобно низложить его? Или зачѣмъ липать власти того, кто едва отвѣдалъ ее? Мы вѣруемъ, что Богъ управляетъ судьбою царствъ. Сколько же безразсуденъ и какую бѣду накликаетъ на себя тотъ, кто противится совѣтамъ Божиимъ? И такъ вы должны вникнуть въ это, и содѣйствовать моему царствованію, дабы никто не презиралъ насъ. Развѣ не церковію назначено покаяніе? Развѣ не на божественныхъ законахъ основано оно? Развѣ вы сами не врачуете имъ многихъ? Развѣ для царей въ церкви не тѣ же законы существуютъ, какіе для всѣхъ другихъ? А ежели у васъ недостаточны постановленія о покаяніи, *то есть другія церкви, и я къ нимъ пойду и отъ нихъ приму врачеваніе.* Я высказалъ, что и что было у меня на умѣ: теперь вамъ остается посовѣтоваться, что надобно дѣлать. Я не могу далѣе переносить своихъ страданій, мнѣ необходимо или отъ васъ получить исцѣленіе, или *въ другомъ мѣстѣ*“.

Когда Палеологъ кончилъ эту рѣчь, тогда архіереи съ огорченіемъ объявили ему, что не одобряютъ дѣйствій патріарха по отношенію къ царю, и всѣ единодушно согласились уврачевать

державнаго. Но прежде всего рѣшено было просить еще разъ патріарха Арсенія о помилованіи. Государь долженъ былъ отправить къ нему особое посольство съ просьбою о снятіи съ него отлученія; а архіереи съ своей стороны обѣщались помогать успѣху этого посольства. Но и сія послѣдняя попытка не удалась.

Наконецъ, дѣло приняло другой оборотъ. Въ 1267 году, 2 апрѣля, послѣ стоянія въ честь пресвятой Дѣвы, обыкновенно бывающаго съ пятницы на субботу на пятой недѣлѣ великаго поста, приммикирій патріаршихъ нотаріевъ Эпситопуль подалъ Палеологу доносъ на патріарха Арсенія, въ которомъ главнѣйшія обвиненія были слѣдующія: 1) въ началѣ утренняго богослуженія псаломъ за царя (*Господи силою твоею возвеселится царь*) патріархъ велѣлъ исключить и начинать утренню *Трисвятымъ* и прочимъ *послѣдованіемъ*; 2) онъ дружилъ съ иконійскимъ султаномъ Азатиномъ, дозволилъ ему и челяди его мыться въ церковной банѣ, гдѣ помѣщено изображеніе честнаго креста; 3) онъ приказывалъ своему келейному монаху давать святую воду сыновьямъ султана сего, тогда какъ не извѣстно, — крещены ли они; кромѣ сего, самъ султанъ Азатинъ во время пасхальной утренни приходилъ къ нему съ своими сатрапами и присутствовалъ при священнослуженіи его.

Скоро узналъ о всемъ этомъ Арсеній, и нимало не беспокоился, а на опасенія своихъ приближенныхъ отвѣчалъ, что ему легко оправдаться въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ. Касательно псалма онъ оправдался тѣмъ, что самъ же первый ввелъ его по обычаю монастырей, и самъ же опять отмѣнилъ его. Въ самомъ дѣлѣ, ежели патріарху усвоили право ввести псаломъ на утренни, то нельзя было отказать ему въ правѣ и отмѣнить его тѣмъ паче, что отлученный отъ церкви государь не имѣлъ права жаловаться на это. Арсеній могъ совсѣмъ лишить его церковныхъ молитвъ за величайшее преступленіе. А что султанъ со своею челядью мылся въ церковной банѣ, этого онъ, патріархъ, не зналъ и не позволялъ. Притомъ присовокуплялъ онъ: одно изъ двухъ: или надобно выгонять ихъ изъ всѣхъ банъ, потому что во

всѣхъ ихъ есть крестъ и иконы святыхъ, или ежели другія бани открыты для нихъ, хоть и невѣрующихъ, то я не вижу причины, почему можно бы удалять ихъ изъ бани церковной. А что я обходился съ султаномъ и съ его сынами, какъ съ христіанами, то не признаю себя виновнымъ въ этомъ, потому что о христіанской вѣрѣ ихъ свидѣльствовалъ мнѣ епископъ Писидійскій: если же кто докажетъ, что они не христіане, то грѣхъ падетъ не на меня, а на сего епископа (Пахимерь).

Это оправданіе патріарха было пересказано Палеологу, но не убѣдило его. По сему, онъ созвалъ соборъ архіереевъ, который и осудилъ Арсенія за то, что онъ, троекратно приглашаемый въ соборъ, не явился туда (Пахимерь). Изъ двухъ патріарховъ, присутствовавшихъ въ этомъ соборѣ, Антиохійскій Евѣимій, имѣвшій старые счеты съ Арсеніемъ*), охотно присоединилъ свой голосъ къ общему приговору; но Александрійскій Николай рѣшительно отказался дать свое согласіе на низложеніе невиннаго патріарха и, хоть за это членами собора былъ устраненъ отъ церковнаго общенія, но до конца остался твердъ въ своемъ убѣжденіи. И такъ одинъ мужественный іерархъ на цѣлый соборъ! Въ концѣ концовъ Арсенія посадили въ рыбацью лодку и отвезли на островъ Мраморнаго моря, Прикѣнисъ, гдѣ и помѣстили его въ пустынной обители, приставивъ къ нему стражу, которая никому не позволяла видѣть его (Пахимерь).

Преемникомъ Арсенія былъ Адрианопольскій епископъ Германъ. Михайлъ Палеологъ возлагалъ на него большую надежду въ дѣлѣ примиренія своего съ церковію. Но этотъ примиритель оказался слишкомъ добросовѣстнымъ для той роли, которую назначалъ ему сей государь. Посему гибкій духовникъ его величества, Іосифъ, помогъ ему отдѣлаться и отъ сего патріарха (Пахимерь). На каѳедрѣ двухъ низложенныхъ владыкъ очутился самъ этотъ Іосифъ; и желанное разрѣшеніе было получено Палеологомъ.

*) Евѣимія обвиняли въ томъ, что онъ будто придерживался армянщины. По этому Арсеній обходился съ нимъ сухо и холодно (Пахимерь).

Онъ ликовалъ, и въ избыткѣ радости даже вспомнилъ о несчастномъ царевичѣ Іоаннѣ и велѣлъ кормить его лучше. Но радость его была возмущена неожиданно. Общественная совѣсть оказалась не такъ сговорчива, какъ совѣсть духовника его Іосифа. Послышался глухой ропотъ и на царя, и на вѣрнаго ему патріарха Іосифа. Монахи разныхъ монастырей отказались отъ общенія съ этимъ патріархомъ. А многочисленные такъ-называемые *Божьи люди: саккофоры*,— сумконосцы, странники, юродивые, загадочные бродяги, кликуши и прочіе люди безъ рода и племени, тайно, неуловимо, ходили въ дома обывателей Цареграда и чернили Палеолога и сторонниковъ его. Сей государь и патріархъ сначала презирали эту силу темную, но потомъ принуждены были запугать общественную совѣсть рѣшительною мѣрою. По общему совѣщаніи, постановлено было передать дѣло о безпокойныхъ монахахъ великому логовету. А этотъ въ своемъ домѣ подвергалъ ихъ жестокимъ истязаніямъ: сѣкъ, держалъ на вѣсу, билъ, почетнѣйшихъ между ними безчестилъ и, какъ людей опозоренныхъ, водилъ по площадямъ, и наконецъ ссылалъ ихъ въ отдаленныя мѣста. Однако всѣ эти жестокости были потрачены даромъ. Общественная совѣсть, хоть и была запугана, но боль осталась внутри и ждала случая чтобы обнаружиться съ новою силою.— Рядомъ съ этими церковными смутами шли смуты политическія во имя ослѣпленнаго царя, отрока Іоанна. Возстанія разныхъ деспотовъ, севастократоровъ и латинскихъ властителей Ахаіи и Пелопонеса пришлось останавливать силою. Болгарія, у которой на престолѣ была дочь покойнаго царя Ѳедора Ласкариса и сестра ослѣпленнаго Іоанна, стала грозить и Византію постоянно держала на сторожѣ. Такъ же точно относились къ этой державѣ и страшные тогда Татары. Тогда уже ничего нельзя было сдѣлать силою: надлежало прибѣгать къ хитростямъ. По сему пущены были въ ходъ подкупы, брачные союзы, клятвы, обѣщанія (Пахимерь и Григорасъ).

Въ такомъ положеніи были дѣла Восточной имперіи, когда пришла тута вѣсть о грозныхъ приготовленіяхъ сицилійскаго

короля Карла противъ Константинополя. Онъ былъ тесть изгнаннаго незадолго предъ симъ изъ Константинополя латинскаго императора Балдуина, и готовился возвратить своему зятю потерянный престолъ. Михаилъ Палеологъ предвидѣлъ грозу съ этой стороны, будучи увѣренъ, что западники не простятъ ему легкаго возвращенія Константинополя, которымъ владѣли 58 лѣтъ, а заранѣе принималъ мѣры отклонить отъ себя эту опасность. Крестовые походы еще у всѣхъ были въ памяти. Палеологъ хорошо зналъ: гдѣ находится сила, заправляющая эти походы, и вскорѣ, по вступленіи въ Константинополь, отправилъ посольство къ папѣ съ цѣлію смягчить тяжкое впечатлѣніе, произведенное въ западной Европѣ изгнаніемъ Латинъ изъ Цареграда. Вслѣдъ за этимъ посольствомъ отправлено было другое, за другимъ третье. Это послѣднее было вызвано уже прямо воинственными приготовлениями Карла и, по всей вѣроятности, осталось бы безуспѣшно, какъ и два первыхъ, если бы не умеръ папа Климентъ IV, большой почитатель сицилійскаго короля. На каѳедру его возведенъ былъ Григорій X. Это былъ старый знакомый Палеолога по Сиріи, гдѣ онъ жилъ до той поры подъ именемъ Феальда. Но особенно важно было для сего царя то, что новый папа былъ добръ и мечтателенъ, и искренно желалъ соединенія церквей, восточной и западной (Пахимерь). Этотъ папа, знавшій о сношеніяхъ Палеолога съ своими предшественниками и объ условіяхъ, на какихъ велись они, вскорѣ по вступленіи своемъ на каѳедру, первый отправилъ къ нему посольство съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи и съ предложеніемъ единенія церквей. Палеологъ обрадовался. Противникъ его Карлъ былъ теперь обезоруженъ. Но отклонивши одно затрудненіе, Михаилъ встрѣчалъ другое. Это новое затрудненіе состояло въ томъ: какъ соединить Греческую церковь съ Римскою на тѣхъ условіяхъ, какія придумывались. А условія эти были: признаніе первенства папы, провозглашеніе имени его во время богослуженія и апелляція на его имя. Вѣковая вражда Востока и Запада, усиленная въ послѣдніе двѣсти лѣтъ неистовствами крестоносцовъ на Востокъ и

послѣднимъ 58-лѣтнимъ владычествомъ Латинянъ въ Константинополь, была хорошо извѣстна Палеологу. Онъ такъ же сознавалъ ясно и свое натянутое отношеніе къ церкви, какъ отлученный, и къ обществу, какъ похититель престола. Въ такихъ обстоятельствахъ трудно было вводить и менѣе смѣлую затѣю. Но онъ зашелъ уже такъ далеко, что отступать было поздно. Разъ ставши на гладкую дорогу, Михаилъ уже не хотѣлъ сойти съ нея.

Папскіе послы приняты были великолѣпно. Великій логоетъ Акрополитъ получилъ отъ Палеолога приказъ морочить глаза дорогимъ гостямъ. И дѣйствительно, онъ повелъ дѣло ловко, слѣдя за всѣми движеніями православнаго населенія столицы. Соглядатаи его вѣрно доносили ему о всемъ; и онъ заблаговременно накрывалъ подозрѣваемыхъ людей и раздѣлывался съ ними по свойски. Во время прогулокъ папскихъ пословъ по городу, особенно во время посѣщенія ими православныхъ храмовъ, предусмотрительный министръ Палеолога заранѣе устранялъ отъ этихъ мѣстъ подозрѣваемыхъ людей, и разставлялъ тутъ продажныхъ ревнителей уніи.

Но такое мороченіе не могло же быть продолжительно. Папскіе послы хотѣли наконецъ добиться толку. Надлежало удовлетворить ихъ требованія. Тогда Палеологъ, подготовивъ напередъ патріарха и архіереевъ, открылъ въ Константинополь соборъ для разсужденія о предложеніи папы. Сверхъ чаянія, онъ встрѣтилъ со стороны патріарха, своего прежняго вѣрнаго слуги, и прочихъ архіереевъ такой отпоръ, что принужденъ былъ закрыть соборъ. Однако, это не понудило его ни на шагъ отступить отъ своего намѣренія. Отложивъ расправу съ ревнителями православія до болѣе благопріятнаго времени, онъ озаботился теперь отправить торжественное посольство къ Римскому первосвященнику съ призывомъ, съ обѣщаніями и богатыми подарками для папы и кардиналовъ его. Посольство состояло изъ духовныхъ и мірскихъ сановниковъ. Во главѣ первыхъ находился бывшій патріархъ Германъ, а во главѣ вторыхъ — великій логоетъ Акрополитъ. Петерявши половину своихъ слугъ и подарковъ во время

бури на морѣ, духовные сановники вмѣстѣ съ Акрополитомъ прибыли въ Римъ, радушно были приняты папою, и провели тамъ весну и лѣто. Это было въ 1273 году. Въ слѣдующее же лѣто папа для разсужденій о соединеніи церквей открылъ соборъ въ Лугдунѣ. Туда приглашено было и посольство Палеолога.

Перенесемъ оттуда на Аѳонъ и узнаемъ: приглашалъ ли Палеологъ тамошнихъ монаховъ къ принятію уніи, и если приглашалъ, то какой отвѣтъ они дали ему.

Такъ какъ сей государь, какъ мы уже знаемъ, по примѣру царственныхъ предшественниковъ своихъ, крѣпко радѣлъ о благосостояніи аѳонскихъ монастырей, дарилъ имъ доходныя имѣнія, дорожилъ духовными подвигами тамошнихъ монаховъ, издавалъ инвеституру ихъ Проту, то угодно было ему пригласить ихъ къ молитвенному и послушному общенію съ Римскимъ папою и, въ случаѣ согласія ихъ на то, примѣромъ ихъ увлечь къ уніи многое множество мірянъ, имѣвшихъ высокое понятіе о святогорцахъ. Для сего онъ прислалъ на Аѳонъ свой владычный *приказъ* (*прѣстаура*), въ которомъ предлагалъ имъ воспоминать имя папы въ молитвословіяхъ и признать его первенство между всѣми патріархами и право окончательнаго рѣшенія церковныхъ дѣлъ. Этотъ приказъ выяснилъ Аѳонцамъ все, что они слышали неодинаково, и что казалось имъ сомнительнымъ. Тогда они сообща написали и представили Палеологу вѣроисповѣдное посланіе, въ которомъ опровергли всѣ папскія нововведенія въ Христовой церкви, и выразили свое рѣшительное нежеланіе принять ихъ, а въ концѣ посланія сказали вотъ что: „Никакъ не позволяй сего ради души твоей святой, царю святой и Богомъ поставленный самодержецъ, и вмѣстѣ Христу возлюбленный и Христолюбивѣйшій. Но держись, какъ держишься, по благодати Христовой, того, чему ты наученъ и что тебѣ ввѣрено, зная, къмъ ты наученъ. (2 Тимое. 3, 14). Храни добрый залогъ, избѣгая, по ученію великаго апостола, негодныхъ пустословіи лжеименнаго знанія, да посредствомъ тебя, съ тобою и со всѣмъ домомъ твоимъ, славящимъ Бога, и мы, составляющіе полноту Христіанъ, будемъ соблюдены, какъ

православные и Богу угодные, на день явленія Господа, и съ вами и сами сдѣлаемся неукоризненными наследниками царства его вѣчно“.

Въ этомъ посланіи, котораго греческій подлинникъ помѣщенъ въ Оправданіяхъ сей исторіи моей подъ № 5-мъ, а русскій переводъ напечатанъ въ Описаніи перваго путешествія моего по Аѳону (ч. 1. отдѣл. 2, стр. 288—302), нѣтъ и намека на какое-либо гоненіе, или притѣсненіе святогорцовъ отъ Палеолога. Отсюда я заключаю, что оно было представлено сему государю ранѣе того остервененія его противъ монаховъ, о которомъ упомянулъ современный византійскій историкъ Пахимерь, и которое проявилось въ немъ въ патріаршество Іоанна Векка*), не задолго до смерти его величества, послѣдовавшей въ 11-й день декабря мѣсяца 1282 года. Едва ли я ошибусь, если укажу годъ посланія святогорцовъ 1272-й. Въ самомъ посланіи этомъ сказано, что „Богъ почтилъ Палеолога самодержавіемъ *задолго предъ симъ*“. Стало быть: посланіе, о которомъ идетъ рѣчь, представлено было этому царю, *спустя много лѣтъ* послѣ вѣнчанія его на царство, бывшаго въ 1261 году.

§ 69, *Неудачное введеніе уніи въ Греческую церковь.* — Она принята на Аѳонѣ только Лаврою и Ксиропотамомъ, а прочіе монастыри не измѣнили православію и за то пострадали. — Кончина Михаила Палеолога. — Основаніе монастыря Кутлумушскаго.

Такъ это было на Аѳонѣ. А въ Италіи, по единственному оповѣщенію одной западной хроники латинской, въ 1274 году, 24 іюня, послы Палеолога прибыли въ Лугдунскій соборъ. Тутъ всѣ прелаты, камерарій папы со всѣмъ дворомъ его блаженства, вице-канцлеръ, всѣ нотаріи и всѣ кардиналы встрѣтили ихъ и проводили до самаго дворца, въ которомъ помѣстился папа. Его блаженство въ сѣняхъ своего помѣщенія честно принялъ пос-

*) Іоаннъ Веккъ патріаршилъ съ 1274 года по 1283-й.

ловъ, давъ имъ лобзаніе мира. А они представили ему грамматы своего государя, запечатанныя золотыми печатами, и нѣсколько писемъ отъ греческихъ архіереевъ, и сказали господину папѣ, что они явились засвидѣтельствовать всяческую покорность (*omnimodam obedientiam*), святой Римской церкви и принять вѣру, которую она исповѣдуетъ, и первенство главы ея (*primatum ipsius*). Въ томъ же году и мѣсяцѣ, въ день свв. апостоловъ Петра и Павла, было четвертое засѣданіе собора въ присутствіи греческихъ пословъ, которые занимали мѣста на правой сторонѣ отъ сѣдалища папы. Его блаженство говорилъ собору рѣчь, въ которой оповѣстилъ три помянутыя причины созванія собора и выразилъ: какъ и какъ Греки, сверхъ общаго ожиданія, добровольно (*liberè*) пришли съ покорностію къ Римской церкви, исповѣдуя вѣру ея, признавая первенство ея и не требуя ничего временнаго, въ чемъ много сомнѣвались: *profitendo fidem, recognoscendo primatum illius, nihil que temporale quaerendo, de quo multum dubitabantur.*— Когда же были прочтены грамматы Палеолога, тогда логоеетъ Акрополить, сказавши предварительно, что онъ уполномоченъ своимъ государемъ дѣлать то, что дѣлаетъ, клятвенно объявилъ, что греческій царь и все царство его содержатъ вѣроисповѣданіе Римской церкви, которое было прочитано въ соборѣ, и что они будутъ хранить оное постоянно (*perpetuo servaturos*). Вотъ это клятвенное обѣщаніе его:

„Я, Георгій Акрополить, великій логоеетъ, посланникъ государя греческаго, Михаила Дуки Ангелоса Комнина Палеолога, имѣя отъ него полномочіе на нижеписанное, отъ всякой схизмы клятвенно отрицаюсь, и подписанное единеніе вѣры (*subscriptam fidei unitatem*), какъ оно было вполнѣ прочитано и вѣрно изложено (*prout plene lecta est et fideliter exposita*), отъ имени реченнаго государя моего признаю вѣрою истинною, святою, католическою и православною, приѣмлю ее сердцемъ и исповѣдую устами, и обѣщаю, что сію вѣру, какъ истинно содержитъ ее и точно проповѣдуетъ святая Римская церковь, онъ (Михаиль Палеологъ) будетъ хранить нерушимо и никогда не уклонится отъ нея и не

совратится (*nec ab ea ullo unquam tempore recessurum, vel quoquo modo discrepaturum, vel deviaturum promitto*). Равнымъ образомъ, и первенство св. Римской церкви и должное повиновеніе ей именемъ его и своимъ собственнымъ добровольно за него и за себя исповѣдую, признаю, допускаю и охотно приѣмлю. А такъ же клятвенно всею душою обѣщаю и утверждаю, что всѣ истины вѣры и первенство Римской церкви онъ (Палеологъ) будетъ признавать, принимать, соблюдать и крѣпко держать. Въ чемъ да поможетъ ему Богъ и сіе святое Евангеліе Божіе“.

Пока податливый посоль Палеолога отъ имени его вручилъ Греческую церковь папѣ, его августѣйшій господинъ подготавливалъ іеархію и народъ къ принятію папства. Онъ началъ подготовку съ патріарха Іосифа, который однако отправилъ окружное посланіе ко всѣмъ восточнымъ епископамъ, предостерегающее ихъ отъ затѣяваемой царемъ уніи. Такъ какъ эта мѣра его святѣйшества очень раздасадовала Палеолога, и такъ какъ сей государь затруднялся пригрозить Іосифу, бывшему духовнику своему, которому былъ много обязанъ и ввѣрялъ свои тайны, то и вздумалось ему войти въ сдѣлку съ нимъ. Пригласивши къ себѣ патріарха, онъ, по обыкновенію своему, прежде всего расплакался предъ нимъ, рисуя свое трудное положеніе, въ виду угрожающаго ему вооруженія Латиновъ, потомъ предложилъ ему такое условіе: ежели послы его возвратятся отъ папы съ уніей, то патріархъ добровольно откажется отъ своей кафедры, а ежели предполагаемая унія не состоится, то Іосифъ останется на своемъ мѣстѣ; до рѣшенія же сего дѣла будетъ жить въ монастырѣ Перивлептовомъ, пользуясь всѣмъ содержаніемъ своимъ и всѣми правами (Пахи-меръ). Волей неволей патріархъ принялъ это условіе. Поладивши съ нимъ, Палеологъ обратился къ епископамъ и, по обыкновенію своему, началъ съ ласкъ и обѣщаній; когда же онѣ ни къ чему не повели, употребилъ мѣры строгія. „Чиновники начали описывать имѣнія противниковъ уніи, а для нихъ самихъ готовили лодки, чтобы отвести ихъ на мѣсто ссылки. Сего мало. Нѣкоторые духовныя лица, болѣе другихъ противившіяся введенію уніи, были

подвергнуты жестокимъ истязаніямъ. Такъ, риторъ Оловола, отказавшагося принять унію, привезли въ Константинополь въ оковахъ, и сперва подвергли безчеловѣчнымъ пыткамъ, а потомъ по городу водили его и съ нимъ приближеннаго къ патріарху Іосифу монаха Іасита Мелія и еще десять человѣкъ, били ихъ, увѣшанныхъ овечьими нечистыми внутренностями и печенями, у церквей же подвергали еще большому безчестію, угрожая, такимъ образомъ, другимъ духовнымъ лицамъ и наводя на нихъ страхъ“ (Пахимерь). Такія мѣры подѣйствовали. Духовенство, видя висящую надъ собою грозу, начало умолять самодержца избавить его отъ своего гнѣва и водворить спокойствіе, пока не возвратятся изъ Рима послы. Но многократныя просьбы не убѣдили его: напротивъ, было объявлено, что просители будутъ обвинены въ оскорбленіи величества, ежели не исполнятъ предложенныхъ условій. Когда же иные, боясь подвергнуться еще большому насилію, начали спасаться бѣгствомъ, тогда Палеологъ сочинилъ золотую грамоту, въ которой подъ самыми страшными клятвами увѣрялъ всѣхъ, что онъ и не думалъ употреблять насиліе, или прибавлять къ символу вѣры хоть бы одну черту, и что домогается только общаго признанія первенства папы, дѣловой аппелляціи на его имя, и молитвеннаго возглашенія его имени въ церквахъ, да и то лишь на словахъ для цѣлей государственнаго благосостоянія. Написавъ такую грамоту и скрѣпивъ ее золотою печатію, онъ послалъ ее въ храмъ св. Софіи съ своимъ протаскритомъ Михаиломъ Неокесарійскимъ. Тогда архіереи, обезпеченные сею грамотою, подписали предложенныя три условія. Правда, нѣкоторые и теперь отказались принять ихъ, и за то были отправлены въ ссылку, но спустя нѣсколько времени, измѣнили свой образъ мыслей, были возвращены и присоединились къ св. церкви, такъ что никто изъ константинопольскихъ клириковъ не остался въ изгнаніи (Пахимерь). Такими мѣрами вымучивалъ Палеологъ согласіе духовенства на принятіе уніи. — Между тѣмъ, посольство его возвратилось изъ Італіи и привезло Палеологу радость, а Восточной церкви скорбь. Унія состоялась. Надобно

было объявить ее торжественно. Патріархъ Іосифъ, по заключенному ранѣ условію съ царемъ, оставилъ свою кафедру, которая объявлена была праздною по общему приговору. Послѣ сего провозглашена была унія вотъ какъ. Въ 16-й день января мѣсяца 1275 года, когда въ придворной церкви совершалъ литургію Халкидонскій епископъ Николай въ присутствіи пословъ и царя, прочитанъ былъ на двухъ языкахъ апостоль изъ Дѣяній апостольскихъ (ибо въ тотъ день церковь праздновала чествованіе веригъ Петра), равно и Евангеліе было прочтено по-гречески и по-латинѣ, и въ свое время діаконъ возгласилъ имя папы Григорія, назвавъ его *верховнымъ архіереемъ апостольской церкви и вселенскимъ папою* (Пахимерь).

Жестокими смутами отозвалась эта унія въ Восточной церкви. „Со времени введенія ея, — рассказываетъ очевидецъ Пахимерь, — дѣла пришли въ совершенное разстройство; люди начали чуждаться другъ друга, и между тѣмъ какъ одинъ желалъ общенія съ папою въ молитвенныхъ собраніяхъ, другіе говорили: *не прикасайся и не осяжи*, и взаимное отчужденіе простиралось до того, что не хотѣли ни говорить другъ съ другомъ, ни ѣсть изъ одной посуды. Раздѣленіе увеличивалось съ каждымъ днемъ, и съ кѣмъ кто сходилъ вчера, отъ того отворачивался сегодня... Тѣ самые люди, которые одинаково не были согласны со всякою партіею, разногласили еще и между собою, и способствовали умноженію раздѣленій, одни такъ, другіе иначе, иные неретиво, нѣкоторые съ большою ревностію. Кто можетъ достойно оплакать тогдашнее состояніе православной церкви, когда всякое беззаконіе отступниковъ ставилось ни во что, иногда казалось выгоднѣе принять унію, нежели находиться въ общеніи съ православною церковію? Впрочемъ, не все дурное тогда было гласно: многое, совершавшееся въ тайнѣ, оказывалось зломъ еще большимъ. Люди бѣдные были подкупаемы щедрыми подарками злонамѣренныхъ людей и, увлекаемые ими, молчали. Когда же злонамѣренные были говорливы, а слушатели просты и необразованны, тогда толки говорунуновъ казались достойными вѣроятія. Человѣку не-

образованному благоразуміе не позволяло разбирать дѣло, и внушало уступчивость безъ всякихъ хлопотъ. А кто подъ предлогомъ утвержденія себя въ вѣрѣ затронулъ бы ходячій вопросъ, тотъ, охъ, какой получилъ бы насморкъ! Но если напротивъ начинали убѣждать его самого, онъ долженъ былъ слушать скромно, показывая видъ, что не знаетъ ничего, кромѣ лопаты, заступа и насущнаго хлѣба. Многіе находили тогда многихъ и такими (мое слово касается не всѣхъ), что они знали, въ чемъ состоитъ разногласіе церквей, знакомы были съ исторіею, читали писанія, понимали важность обвиненій, коими одна церковь преслѣдуетъ другую, и однакоже пользовались обстоятельствами, сколько умеренно, столько и осторожно; а это было хуже самага раскола. Можетъ быть, надлежало бы имъ столько разногласить съ своими, сколько недавно разногласили они съ Италіанцами; однакоже иные и тогда *по нуждѣ*, какъ говорили, имѣя общеніе съ ними, отдѣлялись отъ своихъ братьевъ, словно отъ заразы“ (Пахимерь, книга V, глава 23).

Такъ это было въ Константинополѣ и въ другихъ городахъ греческихъ. Что же тогда происходило на Аѳонѣ?

Немного свѣдѣній о тогдашнихъ смутахъ и страданіяхъ Аѳонитовъ дошли до насъ. Излагаю здѣсь эти свѣдѣнія въ очищенномъ видѣ, помѣстивши рудники, изъ которыхъ они добыты мною, въ Оправданіяхъ настоящей исторіи Аѳона подъ № 6-мъ и подъ буквами, а, б, в, г, д и пр.

Въ 1272 году Аѳониты на приглашеніе Михаила Палеолога принять унію отвѣтили отказомъ въ своемъ догматико-защитительномъ посланіи къ нему.

Въ 1274 году послы сего Палеолога въ городъ Лугдунѣ подписали единеніе церквей, Восточной и Западной.

Въ 1275 году, 16 января, въ придворной церкви сего царя, во время литургіи, въ присутствіи его величества и пословъ Римскаго первосвященника, папа Григорій былъ провозглашенъ верховнымъ архіереемъ апостольской церкви и владыкою вселенскимъ.

Съ 1276 года начались и до 1283 года продолжались смуты въ Греческой церкви и на Аѳонѣ по причинѣ насильственнаго введенія уніи.

Не задолго до 1280 года съ Св. горы сосланъ былъ Михаиломъ Палеологомъ куда-то въ заточеніе монахъ Никифоръ, родившійся въ Италіи, отринувшій латинское вѣроученіе и принявшій православіе, сосланъ за противленіе уніи. Жалѣю, что нѣтъ подробныхъ свѣдѣній о немъ. А сдается, что онъ сильно ратовалъ на Аѳонѣ за свободу церкви Христовой, и осуждалъ главенство Римскаго папы, такъ что многіе и многіе святогорцы были удерживаемы имъ отъ принятія уніи. Не даромъ Михайлъ Палеологъ заточилъ его далеко негдѣ отъ Аѳона.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1280 года клеветы сего латиномудрствующаго царя вмѣстѣ съ италіанскими попами причалили къ берегу Св. горы у Аѳанасіевой лавры, готовой признать верховенство папы, и тутъ встрѣчены были лавріотами съ возженными свѣчами, съ еиміамомъ и пѣснопѣніями. Въ соборномъ храмѣ сей обители отслужена была литургія съ провозглашеніемъ именъ: папы Григорія, патріарха Іоанна Векка и царя Михаила Палеолога. Отсюда Латины и единомысленные съ ними Византійцы на челнахъ своихъ приплыли къ пристанищу монастыря Иверскаго и вошли въ эту обитель съ предложеніемъ уніи. Но здѣшніе преподобные монахи не на песокъ поставили свое основаніе, а на незыблемомъ утесѣ, — Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ, глаголавшемъ: *не убойтеся убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ*, — и не поддавались страху, не увлеклись примѣромъ лавры, а воспротивились стойко и, надѣясь на Господа, не поколебались, какъ гора Сіонъ. Тогда паписты раздѣлили ихъ на двѣ половины, и Грузинъ отправили въ Италію, а прочихъ утопили въ морѣ, въ монастырскомъ продиравленномъ суднѣ, обитель же ихъ ограбили и оставили запустѣлою. — Отсюда они моремъ отправились въ Ватопедъ, и тутъ предложили инокамъ единеніе съ папою, но получили рѣшительный отказъ, изложенный въ пред-

ставленномъ имъ письменномъ обличеніи антицерковнаго ученія ихъ. За такое сопротивленіе преподобные Ватопедцы были повѣшены на одномъ близкомъ къ ихъ монастырю холмѣ.—Изъ Ватопеда Латины по горѣ перешли въ Зографъ, и здѣсь въ монастырской башнѣ сожгли двадцать шесть болгарославянскихъ монаховъ послѣ неудавшагося переговоровъ съ ними. Это было въ 10-й день октября мѣсяца 1280 года.—Изъ Зографа по горѣ же мучители пришли въ Карейскую келліотную лавру, гдѣ находился и Протъ Святой горы вмѣстѣ съ властными старцами, и какъ его и ихъ, такъ и всѣхъ прочихъ келліашей сгубили мечемъ, а протатскую церковь сожгли, монашескія же кельи ограбили. — Изъ Карей они по горѣ спустились на южную сторону Аѳона въ Ксиропотамъ, гдѣ въ Дафнійской пристани поджидалъ ихъ корабль, отплывшій туда отъ Ватопеда мимо Аѳанасіевой лавры и Подъаѳонья. Ксиропотамцы, устрашенные мученіями святогорцевъ и увлеченные примѣромъ названной лавры, приняли ихъ съ возженными свѣчами, съ восклицаніями и съ честью великою, и вмѣстѣ съ ними служили литургію, вспоминая папу. Но Тотъ, Кто призываетъ на землю и творитъ потрясти, потрясъ ее и разрушилъ соборный храмъ, а монастырскія стѣны развалилъ, пощадивъ лишь одного человѣка. въ знаменіе потомкамъ. Тогда Латины, видя все это, съ отвѣтомъ возвратились во свояси. Послѣ сего тѣ святогорцы, которые страха ради латинскаго укрывались въ захолустьяхъ Аѳона, вышли оттуда въ свои селитвы и, собравши мертвыя тѣла, похоронили ихъ честно, воспѣвая псаломъ Давида: *Боже, приидоша языцы въ достояніе твое, оскверниша мѣсто святое твое, положиша трупиа рабовъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ...*

Такъ кончилась затѣя Палеолога на Аѳонѣ. „А самъ онъ, по завѣренію историка Григораса, сверхъ всякаго чаянія скончался въ 6691=1283 году и не удостоенъ былъ приличнаго царю погребенія. Сынъ его Андроникъ только приказалъ, чтобы нѣсколько человѣкъ, отнеся тѣло его ночью подальше отъ военнаго стана, зарыли его глубже въ землю, дабы не растерзали

его звѣри*). Причиною тому было уклоненіе Михаила отъ ученія православной церкви“.

По смерти его, вдовствующая царица Теодора обнародовала исповѣданіе (*ὁμολογία*), которымъ обязалась предъ св. церковію никогда не поминать души усопшаго супруга своего. Сообщаю это исповѣданіе, найденное мною въ Каирской библиотекѣ Александрійскаго патріарха.

„Теодора во Христѣ Богѣ вѣрная царица самодержица Ромеевъ, княгиня Комнина Палеологина. — О вѣрѣ я думаю не такъ, какъ о прочихъ дѣлахъ добрыхъ, какія кто можетъ совершать для спасенія себя самого. Хорошо скрывать сіи дѣла отъ всѣхъ, да видящій ихъ въ тайнѣ небесный Отецъ и Богъ воздастъ за нихъ явно; а вѣру, какъ источникъ, начало, мать всякой добродѣтели, не скрывать, а исповѣдывать предъ всѣми и народовать спасительно. Она-то, какъ мнѣ кажется, и есть тотъ свѣтъ, который, по заповѣди святаго Евангелія, долженъ свѣтитися предъ людьми. Посему, царственность Моя никогда не скрывала вѣры и теперь не скрываетъ ее, напротивъ, оповѣщаетъ и подтверждаетъ, что Она вѣруетъ такъ, какъ давно научила ее вѣровать и исповѣдовать церковь Божія. Это знаетъ Богъ, испытующій самую глубину сердецъ нашихъ; но да будетъ вѣдомо и всѣмъ людямъ, что мы не содержимъ никакого другаго ученія, кромѣ того истиннаго, которое преподаетъ церковь соборная и апостольская. По велику же царственность Моя, по благодати Божіей, такъ мыслить и такъ полагаетъ, то явно, что Она всею душою отвергаетъ, ненавидитъ и считаетъ мерзкимъ то дѣло (унію), которое недавно случилось въ церкви и смутило ее всю, какъ бы ни называли оное, *миръ или экономія*, или инымъ подходящимъ именемъ, а тѣхъ, которые еще и теперь хвалятъ и одобряютъ оное, признаетъ преборителями церкви Божіей, противниками собственнаго спасенія, врагами и заразителями всѣхъ тѣхъ, которые принима-

*) Историкъ Пахимерь прибавилъ, что тѣло сего царя ночью было перенесено родственниками его въ сосѣдній монастырь, называемый *Новый*.

ютъ ихъ, и отвергаютъ какъ виновниковъ погибели душъ. Ибо ежели душевредность сего дѣла и не обнаруживалась прежде, то не скрывается отъ Моей царственности теперь, бывъ обличена дѣлами и рѣчами, которыхъ истинность не подлежитъ сомнѣнію. Впрочемъ, царственность Моя, по благодати Божіей, ещеи тогда, когда началось это дѣло, весьма тяготилась имъ, и едва терпѣла необычайность и *новость* его, давно негодовала, хотя и не постигала всей опасности отъ него, а теперь негодуешь тѣмъ болѣе, что ясно видитъ худой конецъ онаго недобраго замысла. Но довольно объ этомъ. Поелику же церковь Божія осудила Векка за хульные догматы его и съ нимъ Мелитиніота и Метохита, какъ единомысленниковъ, и ославила и отлучила отъ общенія съ собою, то и царственность Моя, вслѣдствіе такого рѣшенія ея, достоительно считаетъ ихъ отобщенными и отверженными. А такъ какъ сія же святая церковь Божія опредѣлила не удостоивать уставныхъ поминовеній и скончавшагося супруга моего и владыку и царя за помянутое дѣло и смятеніе, то царственность Моя, предпочитающая всему страхъ Божій и покорность святой церкви, любить и принимаетъ и это опредѣленіе ея, и никогда не понудитъ ее совершать поминовеніе души владыки моего и царя и супруга, или что-либо другое сверхъ заповѣданнаго мнѣ. Ибо согласоваться во всемъ съ церковію Божіею и слѣдовать за нею *хочетъ* царственность Моя, устрояющая, такимъ образомъ, спасеніе свое, и желающая явно исповѣдаться предъ всеми вѣру свою, которую приняла отъ отцовъ, сохранила до настоящаго времени и сохранить до конца, будучи хранима силою создавшаго и воцарившаго ее милосердаго Бога“.

(Къ этому Исповѣданію была привѣшена золотая печать на шелковомъ шнуркѣ пунцоваго цвѣта, а на печати съ лица вычеканена была пресвятая Богоматерь, носящая Младенца, на оборотѣ же — столпописаніе самой святой царицы) *).

*) Греческій подлинникъ Исповѣданія смотри въ Оправданіяхъ сей исторіи моей, подъ № 7-мъ.

Кромѣ вышеизложенной затѣи Михаила Палеолога, кончившейся такъ злополучно, въ царствованіе сего государя были на Аѳонѣ такія два событія, о которыхъ нельзя умолчать.

Ранѣе 1263 года и послѣ него дѣла святогорскихъ монастырей вѣдалъ Протъ Арсеній. При немъ появились тамъ многіе безбородые, такъ называемые по гречески *σπαυοί*, т. е. скопцы и юноши, у которыхъ еще и усъ не пробился. Между ними былъ одинъ сербинъ, по имени Θεодоръ *Γραμματικῆς*, весьма хорошо переписывавшій книги. О такомъ искусствѣ его узналъ духовникъ Аѳонохиландарскаго сербскаго братства Дометіанъ и пригласилъ его заняться перепискою книгъ. Но вдругъ, послѣдовало распоряженіе Прота Арсенія выслать изъ монастырей всѣхъ безбородыхъ, дабы вмѣсто ихъ не явились женщины. Вслѣдствіе сего распоряженія изгнанъ былъ вмѣстѣ съ другими и реченный Θεодоръ, какъ безбородый молодець. Онъ удалился въ Солунь, гдѣ и провель полгода (въ 1262 г.). Туда ходилъ за нимъ Дометіанъ и возвратилъ его на Аѳонъ, гдѣ и помѣстилъ въ исихастиріи святой Богородицы. Тутъ Θεодоръ переписалъ первую половину Шестоднева Іоанна, экзарха Болгарскаго. Но завистникъ діаволь снова вооружился на него. О немъ дали знать Проту Арсенію. Тогда защитникъ его Дометіанъ вмѣстѣ съ нимъ явился въ Протатъ, но никакъ не могъ смягчить разгнѣваннаго Прота. По рѣшенію его Θεодоръ опять долженъ былъ удалиться съ Святой горы; однако при содѣйствіи своего покровителя, остался въ какомъ-то метохѣ Хиландарскомъ и въ 1263 году окончилъ вторую половину Шестоднева, прописавши тутъ похождения свои по случаю преслѣдованія *безбородыхъ*, недопускаемыхъ на Св. гору древними уставами ея *).

Во дни Михаила Палеолога, въ 1279 году, или въ началѣ слѣдующаго лѣта, построенъ былъ новый монастырь подлѣ аѳонской Кареи преподобнымъ инокомъ Діонисіемъ, по прозванію Кутлумушомъ, потому что онъ родился въ ѳессалійскомъ селѣ,

*) См. въ Оправданіяхъ № 8-й.

Кутлумушъ *). Его прозваніе было усвоено и монастырю его, и уцѣлѣло до нашихъ дней. Монастырь этотъ въ началѣ былъ очень малъ. Въ немъ спасались только 12 монаховъ, а въ 1334 году число ихъ увеличилось до сорока (Архивъ). Церковь же въ немъ освящена была въ память Преображенія Господня.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Событія на Аѳонѣ въ царствованіе Андроника Старшаго съ 1283 года по 1313-й.

§ 70. Страданіе Аѳонитовъ отъ морскихъ разбойниковъ въ 1285 году.

По смерти Михаила Палеолога воцарился сынъ его Андроникъ. Онъ, какъ и предшественники его, былъ главнымъ владыкою всѣхъ аѳонскихъ монастырей, но только до 1313 года.

„Сей государь, по окончаніи траура, занялся важнѣйшимъ и первымъ дѣломъ, умиротвореніемъ церкви. При жизни отца заботу о ней онъ скрывалъ въ душѣ своей, подобно тучной землѣ, скрывающей въ себѣ во время зимы плодovitыя сѣмена. Но вотъ наступила весна, и онъ обнаружилъ то, что крылось въ немъ. Всюду разсланы были гонцы съ царскими указами, которыми объявлялось исправленіе безпорядковъ, допущенныхъ въ церкви, возвращеніе всѣхъ, за ревность о церкви сосланныхъ, и помилованіе испытанныхъ другое какое-либо бѣдствіе. Тогда патріархъ Веккъ оставилъ тайно кафедру свою и водворился въ обители Панахранта. На его мѣсто тотчасъ возведенъ былъ прежній патріархъ Іосифъ“.

Андронику царедворцы его присовѣтовали уменьшить флотъ. „Бѣдствія, — говорили они ему, — понудившія насъ увеличить число кораблей, прошли всѣ; умеръ и король Италіи Карлъ, главный виновникъ всѣхъ золъ; посему, напрасно издерживаться на ко-

*) Смотри мое первое Путешествіе по Аѳону, ч. II, отдѣл. 2-е, стран. 237.

рабли, которые почти больше всѣхъ другихъ предметовъ истощаютъ царскую казну. Такой совѣтъ грозилъ явною погибелію Ромеямъ, однако признанъ былъ выгоднымъ и весьма полезнымъ. Но съ этого времени начались бѣдствія Ромеевъ. Это ободрило Латинянь, прежде боявшихся Ромейскаго войска, какъ непобѣди-маго, и подстрекнуло ихъ помѣряться силами съ Ромеями. Съ этой поры у Латинянь морскія силы начали умножаться, славиться, увеличивать ихъ богатства и расширять предѣлы ихъ власти, а у Ромеевъ онѣ стали мало по малу ослабѣвать и исчезать, бѣдствія же со дня на день возрастать. Разбойническія *триеры* (трехпалубныя суда) то тѣ, то другія, то оттуда — отсюда, то еще откуда-нибудь, числомъ двѣ-три и больше, начали безбоязненно подплывать даже къ самому Цареграду. Посему, острова и приморскія мѣстности начали страдать (Тригорасъ).

Пострадалъ и опарусенный Аѳонъ отъ этихъ же латинскихъ пиратовъ. Это было въ 1285 году, который показанъ въ аѳонскихъ *памяткахъ* объ униі, въ сочиненіи патріарха Досіея о первосвятителяхъ Іерусалимскихъ, и въ письмѣ извѣстнаго Евгенія Вулгариса къ англичанину Клерку*), показанъ какъ годъ страданій Аѳонитовъ отъ Латинянь, безъ объясненія однако: кто были эти Латины, и какіе монастыри наипаче пострадали отъ нихъ.

§ 71. Нападеніе Турковъ на Аѳонъ.

Во дни Андроника, въ самомъ концѣ 13 вѣка, или въ самомъ началѣ 14 столѣтія (1300—1301 гг.), Турки по жребію раздѣлили между собою всю землю, сколько ея было въ Малой Азіи подъ властію Грековъ. Карманъ Алисурій получилъ большую часть Фригіи, такъ же земли, простирающіяся отъ Антиохіи, что при рѣкѣ Меандрѣ, до Филадельфіи и сосѣднихъ съ нею мѣстъ. Другой турокъ, по имени Сарханъ, получилъ земли, пролегающія отсюда до Смирны и приморскихъ мѣстъ въ Іоніи. А Магнезію, Приину и Ефесъ еще прежде успѣлъ подчинить себѣ другой сат-

*) Смотри мое перв. Путеш. по Аѳону, ч. I, отдѣл. 2, стран. 102.